

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ТЮТЧЕВА В ГРЕЦИЮ

Сообщение А. Глассе (США) *

1

В конце января 1833 г. в Навплию^{2*} (город в Пелопоннесе на берегу Арколидского залива Эгейского моря), тогдашнюю столицу Греческого королевства, прибыл младший сын баварского короля Оттон. В августе 1832 г. он был избран на греческий престол. На молодого короля, которому не исполнилось еще 17 лет, возлагались большие надежды — считалось, что именно иностранец сможет объединить Грецию после долгих лет турецкого ига и тяжелых смут¹. Ввиду несовершеннолетия Оттона вместе с ним прибыло регентство, состоявшее из трех баварцев — графа И. Армансперга — бывшего баварского министра, профессора Г. Маурера и полковника К. Гейдека.

С первых же шагов глава регентства гр. Армансперг стал ориентироваться в своей политике на Англию и Францию, заняв откровенно враждебную позицию по отношению к России.

В июле 1833 г. русское правительство было обеспокоено слухами о том, что регентство ведет переговоры о браке Оттона с одной из французских принцесс Орлеанского дома²; пребывание французских войск в Морее усугубляло это беспокойство. Тем же летом король Оттон совершил путешествие в Смирну на английском военном корабле, открыто продемонстрировав таким образом свои проанглийские симпатии³.

Этот факт произвел на всех крайне неблагоприятное впечатление, — писал министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде русскому посланнику в Мюнхене кн. Г. И. Гагарину 1/13 июля 1833 г. — К счастью, осуждение, которое он вызвал, не касается особы юного короля, оно целиком обращено на советников, его окружающих. Их ответственность очень велика, ибо они отвечают перед Европой за сохранение тех надежд, которые порождены были счастливыми достоинствами короля Оттона⁴.

Что касается самого Оттона, то он всецело находился под влиянием Армансперга. По свидетельству секретаря русского посольства в Навплии Д. В. Поленова, семнадцатилетний король оказался «большим охотником до веселий»⁵, и Армансперг использовал эту слабость в своих интересах, окружая Оттона всевозможными развлечениями, которые тот охотно предпочитал занятиям политикой. Через два месяца после прибытия Оттона в Навплию вюртембергский посланник в Петербурге кн. Гогенлоз-Кирхберг сообщал своему правительству, основываясь на неофициальных письмах, полученных из Навплии:

«Русская партия в Греции с неудовольствием наблюдает, как короля водят с бала на бал, тогда как (...) не нашли подходящей минуты для того, чтобы почтить память графа Каподистрия⁶ (...) и король не посетил ни одного храма господствующего вероисповедания»⁷.

«Русская партия» (так называли в дипломатических кругах сторонников русской ориентации в Греции, среди которых было много видных участников борьбы за ее освобождение) подвергалась открытым преследованиям со стороны регентства, а в отношении русского посланника в Навплии кн. Г. А. Катакази и членов русской дипломатической миссии демонстрировалось столь явное неуважение, что в Петербурге поговаривали о возможности разрыва дипломатических отношений.

Стремясь ограничить роль Армансперга и оградить Оттона от английского и французского влияния, Нессельроде предложил посланнику в Мюнхене Гагарину позаботиться о

* Тексты документов, публикуемых в настоящем сообщении, приводятся в переводах с немецкого яз. (перевод С. Л. Б р о д с к о й), а также с английского и французского (перевод Л. Р. Л а н с к о г о).

^{2*} Теперешний Нафплион. Другое, итальянское, название города было Napoli di Romania.

том, чтобы баварский король Людвиг I воздействовал бы на сына в нужном направлении, найдя средство для такого воздействия помимо регентов.

«Эта задача, — писал Нессельроде Гагарину 1/13 июля 1833 г., — должна была бы, как нам кажется, явиться делом верного служителя, которого его величеству королю Баварии следует приставить к сыну, дабы тот стал для него не министром, а руководителем и другом.

Нас особенно утверждает в этом мнении то обстоятельство, князь, что недавно король высказал вам желание передать одно из своих писем сыну через посредство г-на Катакази, именно через него, а не через кого-либо другого. Этот факт, один лишь этот факт должен окончательно убедить нас в необходимости предоставить королю возможность непосредственной переписки, возможность, внушающую ему более доверия, нежели те, коими он располагает»⁸.

Другими словами, речь шла о том, чтобы дать баварскому королю возможность переписываться с сыном помимо Армансперга, используя для этой цели посредничество русского посланника в Навплии.

Такова была обстановка, при которой Тютчев был отправлен в Грецию в качестве дипломатического курьера.

Это была далеко не обычная курьерская экспедиция. Из цитированного письма Нессельроде мы можем заключить, что Тютчев вез письмо баварского короля Оттону, которое должен был передать через Катакази. Возможно, что именно Тютчеву предназначалось установить непосредственную связь между Людвигом и Оттоном через Катакази и что в донесениях последнего к Нессельроде содержались подробности этой миссии Тютчева. Известно, что Гагарин не случайно выбрал именно Тютчева для этой поездки. Памятуя о его личном — по Мюнхену — знакомстве с Арманспергом и другими членами регентства, он поручил Тютчеву в личных беседах «разъяснить» им точку зрения правительства России на сложившееся в Греции положение⁹.

Таким образом, на Тютчева возлагалась неофициальная дипломатическая миссия, весьма ответственная и нелегкая.

2

В августе 1833 г. — точная дата неизвестна — Тютчев выехал из Мюнхена вместе с женой Элеонорой, которая провожала его до Триеста. Здесь он должен был сесть на корабль. Однако в течение всего августа не только в Триесте, но и в Венеции не было ни одного корабля, направлявшегося в Грецию¹⁰. Неизвестно, сколько пришлось бы ждать Тютчеву, если бы не содействие, оказанное ему баварским посланником при греческом дворе, направлявшимся, как и Тютчев, в Навплию. Он имел возможность отправиться на австрийском военном корабле¹¹ и смог предоставить такую же возможность Тютчеву, о чем и сообщил своему правительству 27 августа:

«Корвет стоит в гавани совсем готовый в путь, ветер нам благоприятствует, так что мы могли бы рассчитывать на быстрое плавание, но наш командир ждет боеприпасы из Венеции, доставка которых задерживается из-за встречного ветра и сильного прилива. Однако он намерен выйти в море не позднее следующей субботы.

Я предоставил возможность отправиться на этом корвете также г-ну Тютчеву и двум баварцам, направляющимся на греческую службу, — гг. Линсбергу и Неймайеру. Ничего лучшего для них не предвиделось <...>

Наш командир обещает, что путешествие продлится не более 14 дней»¹².

Корабль вышел из Триеста 1 сентября¹³. Путешествие на юг в самое жаркое время года плохо влияло на Тютчева, и жена рассталась с ним, испытывая «неописуемое чувство боли и тревоги»¹⁴. Сам же Тютчев, как свидетельствует его спутник, «охотнее всего возвратился бы с дороги обратно»¹⁵.

В середине сентября — точная дата неизвестна — Тютчев прибыл в Навплию.

О том, что тогда представляла собой кратковременная столица Греции (уже в 1834 г. столицей стали Афины), рассказывает в своих записках советник прусского посольства при греческом дворе М. фон Тиц. Он прибыл в Навплию в середине января 1834 г., через три месяца после отъезда Тютчева. «Только черными красками можно описать жизнь привыкшего к комфорту иностранца, который вдруг очутился в Греции», — вспоминает Тиц¹⁶. Непривычный климат, примитивные жилища, грязь, насекомые, общее неблагоприятие страны, бед-

ность, разруха — вот что встречало иностранца, прибывшего в Греческое королевство. Описывая Навплию, которую видел Тютчев, Тиц рассказывает о жизни дипломатического корпуса, его развлечениях, внутренних взаимоотношениях. По этим зарисовкам можно до некоторой степени конкретно представить себе как внешнюю обстановку, в которой оказался здесь Тютчев, так и его непосредственное окружение. Малоизвестные записки Тица оставались до сих пор вне поля зрения исследователей Тютчева, а также историков, изучающих этот период в истории Греции.

«...Навлию называют греческим Парижем, — пишет Тиц. — Что касается тех узких и отвратительных улиц, которые встречаются во французской столице, сравнение это можно считать верным. Но за пределами этого мы посоветовали бы авторам подобного сравнения быть поумеренней в своих сопоставлениях. Навплия — маленький городок, который на первый взгляд напоминает итальянский город с его плоскими крышами и открытыми кофейнями, но на этом сходство кончается. В Италии строения солидны, они целиком построены из камня, здесь же совсем иной стиль <...>

Самый красивый и солидный дом в Навплии — это дом русского посланника г-на Катакази, — против него стоит королевский дворец, низкое здание шириной всего в пять окон, построенное при графе Каподистрия. Особняк графа Армансперга принадлежит к числу самых больших домов; будучи очень изящно обставлен внутри, он должен был обойтись казначейству регентства в огромную сумму, которую оно не должно было бы себе позволить <...> Улица, названная улицей Оттона, протянулась через весь город, от королевского дворца до так называемой Платановой площади, которая является излюбленным местом вечерних прогулок горожан. С платанами вы, конечно, теперь уже не встретитесь; здесь только масса пыли и всяческого хлама, который вместе с развалинами какого-то венецианского здания обозначает границу этой площади с одной стороны. Другая сторона включает в себя ряд каменных лачуг, треть которых занята трактирами и кофейнями. Среди первых — знаменитый дом, который содержит двумя сестрами из Вены, снабжающими материалом немаловажную главу в *Chronique scandaleuse* ^{3*} Навплии» ¹⁷.

По словам Д. В. Поленова, жившего здесь в 1832—1834 гг., в греческой столице было только две настоящие улицы, вымощенные камнем, «во всех же других частях города при малейшем дожде такая бывает грязь, что невозможно пройти»; на первый бал в честь короля все приглашенные шли «по грязным улицам пешком <...> исключая короля и гр. Армансперга с дочерьми, которые приехали в экипажах. Стены Навплии содрогнулись, услышав незнакомый им шум, раздавшийся, может быть, в первый раз в тесных его улицах» ¹⁸.

«Лица, которые любят бывать в обществе, — рассказывает Тиц, — имели бы в Навплии массу развлечений, ибо члены дипломатического корпуса каждый день недели поочередно устраивают вечеринки. В среду гр. Армансперг обычно принимает у себя небольшое общество избранных, прозванное «английской кличкой», так как оно обычно состоит из людей этой нации и их друзей. Что касается французского, русского и прусского послов (первый из них не женат, а семьи остальных прибыли в Грецию позднее), то тут уже мы находились исключительно в мужском обществе, однако ухитрились проводить вечера весьма приятно. Иностранца, только что прибывшего из Парижа, Берлина или Петербурга, поразил бы вид гостей, которые входят в гостиную с длинными турецкими трубками или сидят там без сюртуков, однако надо помнить о греческом климате — о знойных днях и душных ночах, не охлаждаемых ни каплей росы» ¹⁹.

В центре политической и общественной жизни Навплии находился салон главы регентства — его президента (или председателя) гр. Армансперга. Он приехал в Грецию с женой и четырьмя дочерьми ²⁰. Все современники сходятся во мнении, что графиня Армансперг, или «злой дух Греции», как называли ее англичане ²¹, была причиной той атмосферы интриг и неблагожелательности, которая царил в Навплии. В донесении своему королю от 27 октября баварский посланник отмечает, что, по его мнению, в этом салоне слишком запросто обходятся с королем, а старшая дочь хозяйки уделяет ему слишком много внимания ²².

Некоторые особенности приемов в доме Армансперга, на которых, без сомнения, присутствовал Тютчев, отмечены в записках Тица:

«В немецких газетах, — пишет он, — не раз говорилось о том, сколь многим обязаны иностранцы председателю регентства за его рауты, «самые восхитительные во всей Греции»,

^{3*} Скандальная хроника (франц.).

ТЮТЧЕВ

Акварель И. Рехберг, 1838. Слева внизу подпись (чернилами): «Fait d'après nature par Hippolyte de Reckberg» («Сделано с натуры Ипполитой Рехберг»); ниже (карандашом): рукой Эрн. Дёрнберг: «9 Mars 1838» («9 марта 1838»)

Музей-усадьба Мураново им. Ф. И. Тютчева, Москва

и о том, сколько жертв принес его превосходительство, устраивая их для того, чтобы компенсировать гостям лишения, которым они вынуждены подвергаться в Навплии. Подобные панегирики пишутся, видимо, пристрастными людьми из Греции (не без воздействия активных сторонников председателя). Ведь не председателю обязаны мы этими развлечениями, а государственному кошельку, из которого ради этих особых целей извлекаются значительные суммы, тогда как их можно было бы использовать с большей пользой, распределив среди немощных и нуждающихся <...>

Кроме баварских военных, на этих увеселениях обычно присутствуют несколько французских и английских морских офицеров. Те же, кто находится на русской службе, вынуждены сами добиваться чести быть приглашенными англо-греко-немецким председателем, хотя за счет двадцати миллионов русской субсидии он, без сомнения, умудряется оплачивать многие из своих балов и другие мероприятия <...>

Дипломатический корпус Греции включает в себя некоторых членов выдающихся семейств — они образуют элиту этих собраний, большинство же составляют безусые молодые люди, принадлежащие к администрации, — секретари, помощники секретарей, короче говоря, — упряжные лошади различных учреждений»²³.

Такова была обстановка, в которой оказался Тютчев по прибытии в греческую столицу. Легко представить, что у него не было желания долго оставаться здесь. При первой же возможности он поторопился уехать. 7 октября 1833 г. баварский посланник в Навплии сообщал своему королю в Мюнхен:

«Я только что узнал, что г-н Тютчев решил уехать и что для составления моего всеподданнейшего доклада я располагаю всего лишь одним сегодняшним днем»²⁴.

О том, что отъезд Тютчева был для баварского посланника неожиданностью, он в тот же день писал и министру иностранных дел:

«Г-н Тютчев, который еще по пути сюда охотнее всего возвратился бы обратно, своим поспешным отъездом поставил меня в весьма затруднительное положение»²⁵.

Поспешность, с которой Тютчев покидал Навплию, пренебрегая тем, что дипломатические донесения, которые он должен был отвезти в Баварию, не будут подготовлены надлежащим образом, можно объяснить, скорее всего, появлением попутного корабля. Зная, по опыту ожидания в Триесте, что следующий корабль может прийти не раньше, чем через месяц, Тютчев не захотел обречь себя на столь долгое ожидание.

3

Как следует из цитированных документов, Тютчев выехал из Навплии 8 октября 1833 г. На пути он надолго задержался в Триесте, попав здесь в холерный карантин. Это было самое трудное испытание во всей поездке. Сам он остался здоров, но похоронил своего слугу Жозефа²⁶.

Тем временем в Мюнхене с интересом ждали результатов поездки Тютчева. 9/21 октября Гагарин докладывал Нессельроде об аудиенции, которую накануне дал ему баварский король. «Он стал меня расспрашивать, — сообщал Гагарин, — есть ли новости об экспедиции Тютчева. Он лишь со стороны узнал о его прибытии в Навплию»²⁷.

Тютчев был в Триесте, когда Людвиг I получил донесение от своего посланника в Навплии, отправленное 27 октября. В нем сообщалось о вредном влиянии, которое оказывает на короля Оттона салон Армансперга и, в частности, сама хозяйка этого салона. Посланник советовала Людвигу «узнать через князя Гагарина, что именно господин Тютчев здесь видел и наблюдал», и добавлял при этом: «я не могу представить себе большего несчастья, необозримого по своим последствиям, чем то, что произойдет, если такая душа (подразумевается Оттон. — А. Г.) не получит предостережения и будет предоставлена влиянию такой женщины»²⁸.

И наконец, последнее упоминание о Тютчеве в связи с его поездкой в Навплию находим в письме Людвигу I сыну от 14 ноября 1833 г. **:

«Пользуясь представившейся мне верной возможностью, пишу тебе, горячо любимый Отто, что надеюсь получить от тебя письмо, если Тютчев, который все еще находится в Триесте в карантине, прибедет сюда. Постарайся, чтобы из-за поведения регентства Россия не превратилась бы во врага Эллады, ибо, воспользовавшись своим большим влиянием, она может сильно повредить ей, — в особенности, если откажется предоставить последнюю треть займа. Симпатия графа Армансперга к трехцветной Франции мне известна»²⁹.

Получил ли Людвиг ожидаемое письмо, остается неизвестным. В Баварском государственном архиве такое письмо не обнаружено. В Мюнхен Тютчев вернулся, по-видимому, лишь в конце ноября 1833 г.³⁰

Свои наблюдения и выводы по поводу политической обстановки, сложившейся в Греции, Тютчев изложил в проекте донесения Нессельроде, которое, однако, Гагарин не счел возможным отправить. Выводы Тютчева были неутешительны: «Прошло около 10 месяцев, — писал он в этом проекте, — как регентство взялось за дело, и оно уже успело на целые годы испортить будущность Греции». Тютчев считал обязанностью баварского короля по отношению к Греции «сохранить за собой верховное руководство в деле политических сноше-

** Выражаю глубокую благодарность директору Секретного королевского архива в Мюнхене д-ру Гансу Пухта, любезно сообщившему мне текст этого письма (А. Г.).

ний с иностранными правительствами», а также поместить возле своего сына такого человека, который послужил бы «противоядием влиянию салона г-жи фон Армансперг». «Я уже не говорю, — добавляет Тютчев, — о том, насколько такое лицо, надлежаще выбранное, могло бы оказать пользы нашим дипломатическим сношениям и каким коррективом оно послужило бы для нас по отношению к регентству»³¹.

4

В творчестве Тютчева его поездка в Грецию отразилась в стихотворении 1833 г. «Сон на море» («И море и буря качали наш челн») ^{5*}. По-видимому, ключ к интерпретации образов этого стихотворения содержится в реальных фактах поездки: по пути из Триеста в Навплию корабль, на котором плыл Тютчев, находясь в Адриатическом море, попал в сильную бурю и вынужден был с 5-го по 8-е сентября переждать ее у о-ва Лезина, вблизи берегов Далмации ³².

Обычно записки путешественников, посещавших Грецию, полны ассоциаций с древней Элладой, ее историей и мифологией, с поэмами Гомера. Часто путешественник воображал себя новым Одиссеем или аргонавтом. «Наш врач, — читаем, например, в «Записках» Тица, — очень хорошо образованный молодой человек, декламировал стихи из «Одиссеи» в оригинале и был опьянен идеей, что он наконец ступит на классическую землю Греции»³³. Сам Тиц и капитан корабля «с Гомером в руках» смотрели на простирающиеся острова и удивлялись тому, «с какой топографической точностью была написана «Илиада»³⁴. Вероятно, нечто подобное переживал и Тютчев.

Композиция стихотворения «Сон на море» основана на шеллингианской идее противоположностей — конечного и бесконечного, реального и идеального. Тютчев противопоставляет реальную бурю и сказочные видения, в свою очередь навеянные реальными местами. Переход от сознательного к бессознательному соответствует качке корабля.

В древнегреческом эпосе существует много описаний морских бурь. Самое известное из них — эпизод в «Одиссее» (кн. 12), где реальная буря превращается в фантастические чудовища — Сциллу (Скиллу) и Харибду. Возможно, что, ассоциируя реальную бурю с образами из «Одиссеи», Тютчев вспомнил и другие древнегреческие образы — лабиринт Минотавра, стимфалийских птиц, «тварей волшебных», подобных киренейской лани, греческие колонны, храмы, экзотические сады. Строки:

И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц

— перифраза повторяющегося образа теней. Это герои Трои, мифические персонажи — Геракл, Тантал, которых Одиссей видит в царстве мертвых (кн. 11), лиц «неведомых», но которых и Одиссей и поэт легко могли узнать.

Воспоминание о Греции, о южном море, из которого

Киприда светлая всплыла,

— появляется у Тютчева и позднее в стихотворении «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...» (1837).

^{5*} По поводу датировки «Сна на море» существуют разногласия. К. В. Пигарев датировал стихотворение сентябрем 1833 г., связывая его именно с поездкой Тютчева в Грецию — его первым морским путешествием (*Лирика*, т. 1, с. 357). С другой стороны, А. А. Николаев утверждает: «Почерк автографа, его местоположение среди других рукописей и наличие списка стихотворения в ранчевском собрании говорят о том, что оно было написано не позднее 1830 г.» (*Соч.* 1980, т. 1, с. 310). Действительно, почти все списки в собрании Раича сделаны с первых публикаций 1823—1833 гг. (см. в наст. кн.: А. А. Н и к о л а е в. О несущественном замысле издания стихотворений Тютчева). Однако списки трех стихотворений («Сон на море», «Душа хотела б быть звездой...», «Конь морской») составляют исключения: источники этих списков неизвестны. Два первых стихотворения опубликованы в 1836 г., третье — в 1879 г. (см. в указ. сообщении «Опись собрания Раича...», № 12—14). Таким образом, присутствие списка этого стихотворения в собрании Раича не может служить основанием для его датировки. В «Оглавлении», составленном Гагариным, «Сон на море» учтен дважды — по автографу и по списку (см. в указ. сообщении «Оглавление» (вторая ред.), стр. 56 и 75). В обоих случаях его окружают стихотворения, имеющие различные датировки. Следовательно, местоположение автографа в этом собрании также не дает оснований датировать «Сон на море» 1830 годом и ранее. Соображения, высказанные ниже автором наст. сообщения, дают дополнительные основания для того, чтобы отнести «Сон на море» к 1833 г. (*Ред.*).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Irmgard Wilharm. Die Anfänge des Griechischen Nationalstaates. 1833—1843. München — Wien, 1973, S. 82; John Anthony Petropoulos. Politics and Statecraft in the Kingdom of Greece. 1833. Princeton University Press, 1968, p. 153—217. См. также в наст. томе кн. I: Тютчев — Тиршшу, п. 1—3 в прим. к ним.

² Письмо К. В. Нессельроде Г. И. Гагарину от 1/13 июля 1833 г. — В кн.: Barbara Jelavich. Russia and Greece during the Regency of King Otton. 1832—1835. Russian Documents in the First Years of Greek Independence. Institute for Balkan Studies. Θεσσαλονίκη, 1962, p. 67—71.

³ Письмо К. В. Нессельроде Г. И. Гагарину. Август 1833 г. — Ibid., p. 74; на франц. яз.

⁴ Ibid., p. 74—75; на франц. яз.

⁵ «Из писем Д. В. Поленова во время поездки его в Грецию и службы при тамошнем посольстве. 1832—1835». — РА, 1885, № 9, с. 111.

⁶ Об Иоанне *Каподистрия* см. в наст. кн.: «Тютчев в дневниках А. И. Тургенева», прим. 30.

⁷ Hauptstaatsarchiv, Stuttgart. E 71, Verz. 30, Carton VIII, Gesandtschaft Petersburg. № 21, 8 Avril/27 Mars. 1833; на франц. яз. — Договор, по которому Оттон вступил на греческий престол, предусматривал принятие им православия. Это условие не было соблюдено.

⁸ Письмо К. В. Нессельроде Г. И. Гагарину. 1/13 июля 1833 г. — Barbara Jelavich. Op. cit., p. 74—75; на франц. яз.

⁹ См. в наст. кн.: «Тютчев в Мюнхене. (Из переписки И. С. Гагарина с А. Н. Бахметевой и И. С. Аксаковым)», п. 1.

¹⁰ Донесение баварского посланника королю Людвигу I от 7 октября 1833 г. — Hauptstaatsarchiv. München. Abteil II. Geheimes Staatsarchiv. 1833. Königliche Gesandtschaft. Nauplia, MA. 2173; на нем. яз.

¹¹ Донесение баварского посланника министру иностранных дел от 27 авг. 1833 г. — Там же; на нем. яз.

¹² Там же; на нем. яз. В донесении от 7 октября он вновь писал об этом. В нем читаем: «Я должен почтительно заметить, что в течение всего месяца августа из гаваней Триеста и Венеции в Грецию не отправился ни один корабль и что господин Тютчев и поступающие на греческую службу господа Линсберг и Неймайер должны почитать себя счастливыми, что благодаря бесценной любезности командира корабля я смог предоставить им возможность также погулять на корвет». — Там же; на нем. яз.

¹³ *Современники о Тютчеве*, № 13.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Донесение баварского посланника королю Людвигу I от 7 октября 1833 г. — Hauptstaatsarchiv, München, 1833. Abteil II. Geheimes Staatsarchiv. Königliche Gesandtschaft Nauplia. MA 2173; на нем. яз.

¹⁶ M. von Tietz. St.-Petersburgh, Constantinople and Napoli di Romania in 1833 and 1834. A Characteristic Picture. Drawn during a Residence There. London, Vol. II. 1836, p. 181. Далее в переводе с англ. цит. с 181—184, 180—181, 197—203.

¹⁷ M. von Tietz. Op. cit., p. 181—184.

¹⁸ «Из писем Д. В. Поленова...», с. 111—112.

¹⁹ M. von Tietz. Op. cit., p. 180—181.

²⁰ Roswitha Armanseperg. Joseph Ludwig Graf Armanseperg. Ein Beitrag zur Regierungsgeschichte Ludwigs I von Bayern. — «Neue Schriftenreihe des Staatsarchivs München, Hert 67, 1976, S. 208.

²¹ Ibid. S. 208.

²² Донесение баварского посланника Людвигу I от 27 октября 1833 г. — Hauptstaatsarchiv, München, 1833. Abteil II. Geheimes Staatsarchiv. Königliche Gesandtschaft Nauplia. MA 2173; на нем. яз.

²³ M. von Tietz. Op. cit., p. 197—203.

²⁴ Hauptstaatsarchiv, München, 1833. Abteil II. Geheimes Staatsarchiv. Königliche Gesandtschaft Nauplia. MA 2173; на нем. яз.

²⁵ Там же; на нем. яз.

²⁶ *Современники о Тютчеве*, № 15.

²⁷ Hauptstaatsarchiv, München. 1833. Abteil II. Geheimes Staatsarchiv. Russische Gesandtschaft in München. G. 31, № 13—14, 29/21 Octobre 1833; на франц. яз.

²⁸ Hauptstaatsarchiv, München. 1833. Abteil II. Geheimes Staatsarchiv. Königliche Gesandtschaft Nauplia. MA 2173; на нем. яз.

²⁹ Bayrisches Hauptstaatsarchiv. Abteil III. Geheimes Hausarchiv. Nachlass Otto von Griechen Land. 43/1/29a; на нем. яз.

³⁰ Дата возвращения Тютчева неизвестна. Предполагать, что это был конец ноября, позволяет одно из писем его жене. *Современники о Тютчеве*, № 15.

³¹ «Изв. АН СССР по русск. яз. и словесности», 1928, т. I, кн. 2, с. 533, 535.

³² *Современники о Тютчеве*, № 14.

³³ M. von Tietz. Op. cit., p. 175.

³⁴ Ibid., p. 155.